

МАРИЯ РОУЗ

A person with reddish-brown hair, seen from behind, stands on a rocky shore looking out at a massive, dark mountain. The mountain's face is a giant skull, with glowing green eyes and a wide, toothy mouth. The mountain is jagged and spiky, with a spiral of birds flying around its peak. The sky is dark and cloudy, with a bright sun or moon visible. The water is dark and choppy.

СПИРАЛЬ
ОТРАЖЕНИЯ

Мария Роуз

Спираль Отражения

<https://litres.ru/74251788>

SelfPub; 2026

Аннотация

1780 год. Экспедиция фрегата «Голос Пастыря» находит в южных широтах неизведанный остров. Диковинные птицы, зеркальные жуки и ласковое солнце усыпляют бдительность исследователей... Но безмятежность тропиков обманчива. За экзотической красотой скрывается древняя сила.

Океан — первородное лоно природы, хранящее и несущее в себе память всех ушедших эпох. Какую древнюю тайну сокрыл он в сердце затерянной суши? И где пролегает грань, за которой человеческое «Я» навсегда растворяется в памяти острова, уступая место чужому отражению?

Содержание

Глава 1. «Фрегат Голос Пастыря»	4
Глава 2. «Загадочный остров»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Спираль Отражения

Глава 1. «Фрегат Голос Пастыря»

Шел 1780 год. Я только что поступил на службу помощником лекаря на трехмачтовый исследовательский фрегат Королевского общества «Голос Пастыря». Моя мать была преисполнена гордостью, провожая меня в порту; её слезы еще не высохли на моих суконных манжетах, и я, вынужденный покинуть отчий дом, с радостным упоением и трепетом сердца, устремлялся к новым, неизведанным вершинам. Стоя на баке и подставив лицо свежему, морскому бризу, я физически ощущал дыхание грядущих свершений и бескрайних горизонтов. Мне верилось — нет, я был слепо уверен, — что впереди меня ждут удивительные, нетронутые человеком страны, где я встречу существ и людей, чья кожа, повадки и сам голос будут разительно отличаться от той душной, серой повседневности, к которой я был привычен в университетских стенах.

Наш корабль шел вдоль скалистых берегов, мерно огибая Мыс Серого Пса. Под непреклонным натиском весеннего пассата фрегат тяжело кренился на левый борт, и дубовые шпангоуты под ногами судорожно, ритуально поскрипывали, соглашаясь с моим восторгом. Свободные от вахты матросы, просоленные, вечно хмурые люди, уже притерлись к

этой изнурительной работе; они лениво цедили разбавленный эль у компасного нактоуза, чинили снасти и давно не верили в чудо, ожидая от Океана лишь цинги, гнилой воды и встречных рифов. Но я разительно отличался от них. Я охотно, с чистым удовольствием брался за любой грязный ремесленный труд: помогал коку перебирать бочки с солониной, часами промывал лимонным соком гноящиеся язвы матросов на орлоп-деке и тащил в свою тесную каюту каждую светящуюся глубоководную тварь, которую удавалось выловить бакштовом. На борту меня быстро окрестили Фогом, и я нес это имя, испачканный чернилами и пахнущий дегтем. Наша экспедиция имела строгий приказ Адмиралтейства: картографировать южные широты и зафиксировать в тушевых рисунках флору и фауну новых земель, и я, перечитывая эти официальные строки, втайне верил, что за ними кроется нечто большее — шанс отыскать первородную колыбель жизни.

Вечера по обыкновению я проводил за ужином в кают-компании, в приятной, строгой компании капитана Фокса, старого главного лекаря и первого помощника. За этим дубовым столом, под мерный скрип кормовых шпангоутов, собирались все образованные люди нашего судна; офицеры и лекарь заново перебирали карты, а капитан молча курил трубку. Мистер Фокс руководил нами железной рукой.

Это был человек суровый, высеченный из кремня, но бесконечно честный; какую бы тяжелую работу он ни поручил,

чал матросам, он сам охотно вставал к штурвалу в шторм, умываясь ледяной пеной. Он никогда не просил от команды сверх меры, и в его молчаливой фигуре было то врожденное, тихое благородство, коего напрочь были лишены завсегдатаи портовых кабаков. Экипаж был предан ему до последнего человека — не из страха перед плетью, а за то, что капитан Фокс делил с нами один гнилой сухарь и верил в нерушимый Чертёж и прочность нашего судна больше, чем в собственную жизнь.

У моих ног во время этих ужинов неизменно грелся Динго — крупный охотничий пес с густой рыжей шерстью, ставший моим самым преданным компаньоном в этом долгом плавании. Мы разделяли с Динго общую, странную для матросов любовь: не только к наблюдению за летящими альбатросами и прыжками дельфинов за бортом, но и к созерцанию ночных бабочек. Наш фрегат шел через южные широты, и по ночам, привлеченные теплым светом кормовых фонарей, на палубу опускались удивительные насекомые, которых мы больше никогда не встречали у родных берегов. Динго часами сидела у моего рабочего стола, положив тяжелую морду на колени и завороченно наблюдая за пойманным мотыльком в стеклянной банке. Её черные зрачки ловили малейшее движение крыльев твари, пока я скрупулезно, до мельчайших деталей зарисовывал тушу каждую прожилку в свой походный альбом. Препарирование и анатомический разбор этих неизведанных существ доставляли мне чистый, почти религиозный восторг исследователя.

Мы двигались проложенным курсом, и попутный весенний ветер благоволил нашему продвижению на юг. Я постепенно привык к этому тяжелому труду. Физически в первые недели мои ноги сводило от непрерывного удержания баланса, а мышцы спины ныли после каждой смены на орлоп-деке, но затем тело обрело нужную хватку. Жизнь на палубе разительно отличалась от моих прежних представле-

ний и того академического осознания, какое я приобрел из учебных пособий. Трудности быта и полное непонимание со стороны матросов, стоявших со мной на разных уровнях образованности, быстро закалили мой характер. Для этих хмурых, просоленных людей я поначалу оставался лишь бесполезным «книжным червем», чужаком с чернильными пальцами, который тратит драгоценный ром на консервацию дохлых гадов, но моя готовность лезть в любую грязь вместе с ними и стойкость духа вернули мне их молчаливое принятие.

В редкие свободные часы я садился за свой провесной стол, чтобы продолжить длинное, бесконечное письмо матушке. Этот толстый пергаментный свиток, постепенно перераставший в путевой дневник, служил мне единственным утешением. Я часто писал ей, стараясь подробно изложить, в каком именно душевном состоянии пребываю на исходе четвертого месяца пути, и бережно укладывал между страниц сухие наброски пойманных полярных мотыльков. На борту «Гласа Пастыря» не было священника — факт, который непременно огорчил бы её набожную душу, и я умалчивал в своих строках о многих грязных портовых обычаях экипажа. Я прятал эти исписанные листы на дно дорожного сундука, томительно ожидая любого встречного судна, идущего обратным курсом в Блэквотер, чтобы передать ей эту весть.

Постепенно эта суровая жизнь лишила меня последней университетской изнеженности, превратившись в привыч-

ный быт, и наш корабль оброс уютной домашней атмосферой, став для нас единственной обитаемой твердью посреди безбрежных вод. Прямо на баке, в чистых деревянных загонах, жили козы и упитанные свиньи, взятые нами в доках Блэкпорта, а в плетеных клетках шумно кудахтали куры и утки. Младшие матросы ежедневно чистили эти клетки, меняли намокшую от брызг солому и убирали навоз за борт, удерживая идеальный порядок.

Капитанский стюард искренне любил поутру доить козу, чтобы у мистера Фокса всегда было свежее молоко к завтраку, и мы с Динго часто караулили слугу у трапа, прося поделиться этим теплым уловом. Она обожала лакать козье молоко прямо из моей деревянной миски, хрустя сладким овсяным печеньем или обрезками черничного пирога, который кок пёк на камбузе для офицерского стола. В эти часы, под ласковыми лучами солнца, фрегат казался мне самым безопасным и мирным местом на земле, а разносившийся из камбузной трубы сытный дух свежей выпечки утишал тоску по утерянному берегу.

Настоящее таинство Океана открывалось мне во время ночных вахт. Ближе к полуночи, когда «Голос Пастыря» сбрасывал ход и ложился в дрейф. Я гасил сальную свечу в каюте и поднимался на темную палубу, где меня уже ждали свободные от дежурства матросы. В темноте пучина за бортом внезапно меняла свое естество, загораясь слабым, призрачным свечением миллионов ночесветок. По приказу первого помощника мы зажигали на кормовых шканцах масляные фонари, чьи желтые лучи едва пробивали черную гладь, и опускали на пеньковых тросах длинные шелковые мелкоячеистые сачки. Навалившись грудью на мокрый планширь, мы часами, сменяя друг друга, вытягивали из Океана набрякшие от забортной влаги сети. Из их ячеек я бережно соскабливал в деревянные ведра густую, светящуюся фосфо-

ром слизь, выковыривал прозрачных летучих улиток и редких рачков с тяжелыми панцирями. Океан щедро делился со мной своей скрытой ночной фауной, и в одну из таких смен в шелковые ячеи сети угодила потрясающая добыча. Крупная летучая рыба, привлеченная огнем фонаря, с размаху ударилась о мокрый дуб борта и упала прямо к моему левому сапогу, судорожно расправив свои широкие, хрустальные стрекозиные крылья. Я бережно пересадил ее в глубокий чан с морской водой, предвкушая, как завтра на рассвете мой скальпель коснется этих безупречных стальных чешуй.

Собранные трофеи я уносил в полумрак своей каюты. Здесь меня ждал провесной стол, чья тяжелая карданная механика беззвучно компенсировала океанскую качку и удерживала рабочую плоскость идеально горизонтально, пока сам пол под моими ногами ходил ходуном. Препарирование этих тварей превращалось для меня в подлинный восторг исследователя. Я использовал круглую медную ванночку, залитую черным воском: аккуратно опускал туда скользкое стальное тельце летучей рыбы или крупного ночного бражника, фиксировал их ткани тонкими латунными булавками и брался за скальпель.

На моем столе, среди флаконов с черной тушью и пергаментов, пахло спиртом и цитрусовой цедрой. Я часами изучал вытянутое, цилиндрическое тело летучей рыбы, достигшей в длину двенадцати дюймов и покрытой жесткой чешуёй стального оттенка. Главная странность заключалась в её грудных плавниках: они полностью утратили мягкую костную структуру перепонки, превратившись в широкие, полупрозрачные хрустальные пластины — точную копию крыльев стрекозы. Рассматривая их под лупой, я обнаружил строгую геометрическую сеть бледных жил, образующих у самого основания крыла ровную пятиконечную звезду — узор, который природа просто не могла создать случайно. В стеклянных банках рядом покоились другие находки этих дней: жесткие морские жуки и пара уродливых прилипал,

снятых матросами с медного брюха нашего фрегата.

Рядом, на сукне, лежал ночной бражник, залетавший на бак тремя ночами ранее. Размах его бледных крыльев составлял добрых семь дюймов. В отличие от земных чешуекрылых, его крылья были абсолютно лишены пыльцы; они состояли из тончайшей слюды, которая мелко звенела от малейшего прикосновения пинцета, а матово-белое брюшко, разделенное на одиннадцать безупречных сегментов, продолжало тускло фосфоризировать бледно-зеленым светом в темноте трюма, даже будучи мертвым. Я методично переносил кружево её узора в походный блокнот. Сердце колотилось от благоговейного восторга: эти твари были сотканы по какому-то иному, величественному и пугающе правильному Чертежу, который нам только предстояло открыть. Я находил упоительный, благоговейный трепет в том, чтобы скальпелем отделять хрупкие оболочки и фиксировать в пергаменте состав их бледной, лишенной тепла лимфы, которая на воздухе мгновенно застывала на восковом дне мелкими соляными кристаллами. Динго помахивала хвостом в такт движению моего пера, полностью разделяя эту трепетную страсть к тайнам живой материи, а за переборками каюты тяжело ворочался Океан, унося нас навстречу Скалам Немого Прилива.

После бессонной ночной работы в полумраке каюты слепящее полуденное солнце сильно палило, заставляя меня больно щуриться. Я чувствовал себя изнуренным, но бесконечно счастливым человеком. Вокруг кипело привычное, понятное ремесло. Время тянулось медленно, превращая наше плавание в бесконечную череду одинаковых, мирных дней. Свободные от вахты матросы дружно отдавались корабельным заботам: конопатили разошедшиеся от зноя швы дубового настила горячим варом, стучали плотницкими киянками на шкафуте, терли речным песком стальные наконечники абордажных пик и костяными иглами латали тяжелую парусину прямо на досках.

Капитан Фокс стоял на шканцах у нактоуза, выверяя полдень по медному квадранту. Вся команда работала вяло, изнывая от жажды. Пресная вода в трюмных бочках подходила к концу, превратившись в склизкую, пахнущую гнилью жижу, а спасительного дождя не было уже три недели. Каждый из нас молча молился о твердой суше, и это томительное ожидание тяжелым грузом висело над палубой.

Эту глубокую полуденную тишину внезапно разрезал пронзительный, долгожданный крик впередсмотрящего с салинга грот-мачты:

— Земля-а! Прямо по носу земля!

Палуба мгновенно замерла, а затем взорвалась радостными возгласами. Капитан Фокс вскинул голову и подозвал ме-

ня к мостику, протягивая тяжелую латунную подзорную трубу. Я прижал окуляр к глазу, поймал фокус и оцепенел от благоговейного восторга: сквозь тающую полуденную дымку в круглом стекле линзы проступил неизвестный, залитый солнцем зеленый Остров. Там, над изумрудной чашей папоротников, летали диковинные птицы, чьи огромные силуэты медленно кружили в чистом небе.

Глава 2. «Загадочный остров»

По приказу капитана Фокса на воду с грохотом спустили две спасательные шлюпки. Матросы гребли с яростным, безумным упорством, увлекая нас к заветному берегу. Едва тяжелый дубовый киль с разгона уткнулся в белый прибрежный песок, Динго первой вылетела за борт, поднимая мириады сверкающих лазурных брызг, и со звонким, радостным лаем понеслась по пляжу. Просоленные, истощенные люди сбрасывали жесткие сапоги, хохотали, падали на колени прямо у прибрежных камней, где пробивался чистый горный ручей. Утолив наконец томившую нас сухость, свободные от вахты парни достали потертый кожаный мяч и с детским, пьяным от избытка кислорода восторгом принялись швырять его друг другу на теплом песке, празднуя свое спасение. Фрегат оставался на рейде позади, мерно покачивая высокими мачтами на зеркальной глади бухты.

Я подхватил свой походный мешок с циркулем и флаконами туши, делая первые, робкие шаги по мягкому травяному настилу. Юношеский энтузиазм целиком захватил мой разум. Прямо у кромки изумрудной чащи гигантских папоротников, совершенно не боясь шума человеческих голосов, мирно паслась исполинская птица. Мое сердце замерло, узнавая эти очертания по старинным университетским гравюрам: перед моими глазами стоял живой, леген-

дарный додо. Птица достигала человеческого роста, обладая массивным, грузным телом с короткими серыми крыльями и колоссальным крючковатым клювом соломенного оттенка. Она медленно переступала желтыми чешуйчатыми лапами, увлеченно выклеывая крупные семена из сочного мха. Чуть поодаль, среди зарослей, высился силуэт другой, еще более огромной бескрылой птицы высотой в девять футов, чье мощное туловище было покрыто жестким бурым волосом, а на валунах неподвижно грелись исполинские сухопутные черепахи, чьи тяжелые панцири походили на высеченные из камня плиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.